

Гори, гори, ее звезда...

фамилия (крсл. к Моск. правде). - 1997. - № 1. - С. 7

Наталья СМЕТАНИНА, «МП».

С тех пор, как Алла Баянова вернулась в Россию, прошло немногим более 6 лет. За это время она дала свыше 1000 концертов. Где бы ни выступала певица - в столичных концертных залах или в маленьких провинциальных клубах, публика принимает ее одинаково тепло и радушно, подолгу не отпуская со сцены.

Однажды и я попала под обаяние этой удивительной женщины, аплодируя ей до боли в ладошках. В тот вечер звучали цыганские таборные песни, старинные русские романсы, танго. Почти каждый номер концертной программы заканчивался просьбами зрителей спеть их - самую любимую». Алла Николаевна никому не отказывала. Пела и «Чубчик», и «Стаканчики», и «Хризантемы», и «Ко всем чертям», и «Ах, эти черные глаза», и «Шелковый шнурок», и «Синеглазый король». А чтобы немного передохнуть, устраивала короткие паузы: шутила, рассказывала о себе, вспоминала о прожитом и пережитом.

После 3-часового концерта выстроилась очередь за автографами. Примечательно, что Баянова раздавала их не на сцене, а прямо у себя в примерной, куда обычно «посторонним вход воспрещен». Пристроившись в хвост очереди, я с интересом наблюдала, как общается она с людьми - мягко, просто, доброжелательно, без спешки и суеты. Посмотрит внимательно на очередника, спросит: «Что вам пожелать?» - и широким росчерком пера на протянутой концертной программке раздает одним - «здоровье», другим - «любовь», третьим - «удачу».

«Можно задать вам несколько вопросов?» - выпалила я, когда настал и мой черед. Алла Николаевна взглянула на мое удостоверение с надписью «пресса», улыбнулась и как-то очень тепло, по-матерински потрепала меня по плечу: «Деточка моя, не стоит тратить на это время. Ведь обо

мне уже столько писано-переписано... Но если вы настаиваете... Словом, вот вам мой домашний телефон. Звоните - поговорим».

Мы встретились с Аллой Николаевной в ее небольшой уютной квартире, расположенной в одном из тихих арбатских переулков. Гостиная, наполненная ароматом живых цветов. Гулко тикают настенные «ходики». На диване, свернувшись клубочком, мурлычет черный кот. На полу у наших ног примостился красавец кот.

- Это мой любимец Барс, - говорит Алла Николаевна, глядя огромного пса. - Он пришел ко мне сам, весь искалеченный и голодный. Я его вылечила, выходила, и он сильно привязался ко мне. Кроме Барса, у меня есть еще очаровательная дворняжка Люська и три кошечки. Вообще я очень люблю животных и отдаю заботе о своих четвероногих друзьях все свое свободное время.

- Наверное, его у вас не так много. Ведь вы по-прежнему выступаете...

- Да. Меня часто приглашают на радио и телевидение. Я с удовольствием езжу на гастроли в древнерусские города. Недавно я отметила 60-летие своей творческой деятельности. Но, несмотря на возраст, покидать сцену пока не собираюсь. Для меня нет большего счастья, чем отдавать людям, сидящим в зале, весь свой талант без остатка. Это моя работа, мой долг, мое призвание.

- Алла Николаевна, как удается вам сохранить свой голос, который с годами почти не меняется?

- Мой голос - это природный дар. Поэтому я ничего не предпринимаю для его сохранения: или уж он есть, или его нет. Голос свой я никогда не холою и не лелею. Под фонограмму не пою. Сырых яиц по утрам не пью и даже не распеваюсь перед концертом. Лишь изредка пользуюсь шалашинским рецептом: горячее молоко с одним желтком и ложкой коньяка. Вкусно и полезно.

- Кто обучал вас пению?

- Я родилась с поставленным голосом. Видно, голос был унаследован мною от отца, прошедшего итальянскую оперную школу. Весь юг России, весь Кишинев, вся Одесса знали и любили Коку Левицкого. Баянов - его псевдоним, который выбрала мама. Во-первых, потому, что папа очень любил этот инструмент - баян. Во-вторых, в честь легендарного древнерусского певца Баяна. Это имя пристало к моему отцу, как вторая кожа. Както нам принесли телеграмму, адресованную Николаю Левицкому, а мама говорит: «Вы, вероятно, ошиблись. У нас такой не проживает».

- Помните ли вы свое первое выступление перед публикой?

- А как же! Мне было тогда 9 лет. Я выступала с отцом в одном из самых шикарных парижских кабаре под названием «Казбек». Кругом - ковры, утешения подавались на серебряных блюдах, пригласительные билеты были отпечатаны на екатерининских «пятисотках» из шелковой бумаги. В «Казбек» приходила только очень состоятельная публика.

Мы с отцом пели дуэтом. Отец изображал слепца, я - поводыря. Я вела его по дорожке, облитой лунным светом, усаживала на пень. Когда он заканчивал свою балладу, я помогала ему подняться. В оркестре начинали звонить колокола, а я запевала тоненьким голоском «Вечерний звон». Мы шли между столами по проходу: он - богатырский телосложения и я - маленькая, хрупкая, в заплятанном рубище, с расписной чашкой в руке, на дне чашки - три грошика. Нам бросали сначала цветы, а потом в чашку посыпались... нет, не монетки - бешеные деньги. Публика была в восторге.

Огромную роль в моей судьбе сыграл Вер-

тинский. Когда мне было 13 лет, он пригласил меня в известное всей парижской публике кабаре «Большой Московский Эрмитаж», где он сам пел. Мы стали работать вместе. Он дал мне звучное имя Аделаида и был очень ласков со мной. После моего первого выступления в этом кабаре он подарил мне 21 пунцовую розу. Это были первые цветы в моей жизни. У Александра Вертинского, величайшего Мастера не только голоса, но и жеста, мимики, сценической речи, я очень многому научилась.

- А как насчет других наук - истории, географии, геометрии?

- До 14 лет я жила в Париже и училась сначала в католическом монастыре, потом в лицее. Кроме того, у меня были частные учителя. Но, пожалуй, основное образование я получила в семье от своих родителей. Мы жили очень дружно. Никогда не ссорились по пустякам, не трепали друг друга нервы. Родители учили меня жить. От них я узнавала, как вести себя в обществе, как общаться с людьми. Эта школа жизни оказалась главнее всякой географии и геометрии.

- Вы верите в судьбу?

- Я открою вам небольшую тайну: у меня есть своя звезда. Вот ей я доверяю больше всего на свете. Много лет назад в одну из ясных морозных ночей я посмотрела на небосклон и увидела, как маленькая золотистая звездочка направила свой лучик прямо ко мне. Я сразу же почувствовала какую-то легкость, покой, гармонию и поняла, что это моя звезда. С тех пор она ведет меня по жизни, и я ощущаю с ней почти физическую связь. Поэтому я обязательно включаю в свой репертуар романс «Гори, гори, моя звезда». Недавно под таким же названием вышла одна из моих книг.

- Хотелось бы вам что-то изменить в жизни, переписать наболевшее отдельные страницы?

- Я сделала в жизни очень много ошибок. Но я ничего не хочу менять.

- Вы не жалеете о том, что вернулись в Россию?

- Меня увезли из Кишинева, где я родилась, совсем маленькой девочкой. Это было в 1918 году. Но у нас в семье всегда много говорили о России. Особенно тосковал по Родине отец. Он был настоящим патриотом. Помню, когда нам предложили принять французское гражданство, отец наотрез отказался. Уже перед смертью он говорил мне: «Ты все равно ступишь на русскую землю. Ты должна к этому стремиться. Там твое место». И он был прав: только в России я чувствую себя дома. Я ощущаю такое сильное притяжение к родной земле, что мне хочется целовать каждую травинку.

Но меня очень огорчает отношение соотечественников к красоте и богатствам своей страны, к русской культуре, истории, традициям. Я не могу смотреть на молоденьких девушек, идущих по Арбату в коротеньких юбчонках, со взбитыми в копыну волосами, с сигаретой в зубах. Где они, скромные, гордые, знающие себе цену русские красавицы?

У меня сердце кровью обливается, когда я вижу заплывающие тротуары, сломянные деревья, истоптанные газоны, скрученные чьей-то молодечкой рукой в «бараний рог» железные перила и изгороди. Я схожу с ума от варварского отношения людей друг к другу, к животным, ко всему, что их окружает. Бывают моменты, когда от творящихся вокруг безобразий мне хочется умереть. Это страшнее, чем карточки и пустые прилавки, с которыми я столкнулась, приехав в Россию.

- Алла Николаевна, о чем вы мечтаете?

- Моя главная мечта сбылась: у меня есть благодарная публика и Родина. Мне больше ничего не надо.